

УДК 81'38

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭКСПРЕССИЯ НАУЧНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данилевская Наталья Васильевна

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей динамики текстообразования в научной коммуникации. Рассматриваются понятия «старое» и «новое знание», «познавательная оценка», «интеллектуальная экспрессия». Утверждается, что чередование компонентов старого и нового знания является механизмом образования научного текста. Энергией этого механизма служит познавательная оценка как целенаправленный выбор автором определенного познавательного действия, репрезентирующего в тексте конкретный мыслительный шаг в общей логике рассуждений. Утверждается существование двух планов познавательной деятельности – ментального и эмотивного, каждому из которых соответствует своя разновидность познавательной оценки. Каждая из разновидностей репрезентируется в тексте специфическими языковыми и речевыми средствами. Взаимодействие оценок и оценочных средств формирует особую для научной коммуникации выразительность – интеллектуальную экспрессию.

Ключевые слова: научный текст; динамический аспект текстообразования; познавательная деятельность; познавательная оценка; интеллектуальная экспрессия.

Современные когнитивные исследования охватывают самый разный спектр проблем, связанных с представлением, переработкой, хранением, передачей, извлечением, систематизацией текстовой информации. Вместе с тем вопрос о закономерностях самого текстообразования остается недостаточно изученным. Менее всего исследованной остается сегодня **динамическая** сторона образования текста.

В самом деле, вопросы композиционной, логико-смысловой, семантико-структурной, разного типа формально-содержательной организации текста в целом решены (см., например [Баженова 2001; Гальперин 1981; Дридзе 1984; Салимовский 2002; Солганик 1991 и др.]). Что же касается описания специфики **процесса** смысло- и формообразования текста, то эта задача еще почти не решалась.

Между тем ведущие зарубежные и отечественные лингвисты всегда подчеркивали принципиальную значимость динамического подхода к изучению языковых явлений. Именно осмысление текста как процесса, внимание к **движению смысла** по мере формирования «содержательной плоти» произведения во многом привели к разработке теории дискурса (см. работы Р. Барта, Ю. Кристевой, Ю.М. Лотмана, М.Н. Кожина, Ю.Н. Караулова, Б.М. Гаспарова,

В.Е. Чернявской и др.). «Описание дискурсных событий – пишет М. Фуко – ставит перед нами вопрос: почему такие-то высказывания возникают здесь, а не где-либо еще? <...> Как увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления, как определить условия его существования <...> обозначить его границы, связи с другими высказываниями <...> установить <...> особый вид существования, который раскрывается в сказанном и нигде более?» [Фуко 2004: 73]. Представляется, что ответы на эти и подобные вопросы можно получить исключительно посредством анализа динамической стороны текста, самого процесса его образования.

Известно, что М.Н. Кожина, плодотворно занимавшаяся вопросами научного стиля, настаивала на активизации исследований динамики текстообразования в научной сфере (см. [Кожина 1995, 1996]). Отчасти эта задача была решена нами в работах 1992 и 2005 гг. [Данилевская 1992, 2005].

Наблюдения над особенностями процесса развертывания научного текста позволяют говорить, что единицами поступательного движения познавательной деятельности автора от проблемной ситуации к формулировке доказанных в тексте концептуальных выводов являются компоненты старого/известного и нового/неиз-

вестного знания [Данилевская 2005]. Чередуемые компоненты старого и нового знания – это механизм текстообразования, посредством которого осуществляется мыслительная динамика в научном тексте [там же]. Однако у всякого механизма есть своя энергия, без которой первый пребывает в статике. В качестве энергетического толчка, выводящего механизм из состояния статики, выступает **познавательная оценка**, которая пронизывает всю ткань текста потому, что представляет собой когнитивный принцип мышления вообще: без ценностного отношения автора речи к предмету мысли ее экспликация невозможна. Иными словами, речь идет о репрезентации в тексте отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Причем это отношение далеко не всегда требует своего формального выражения (в тексте обязательно выражается только один тип оценки – позитивное или негативное отношение автора к предмету речи или к позициям других ученых).

По мнению А.А. Ивина, оценочные суждения связаны с мышлением и составляют суть его содержания: «Всякий раз, когда объект сопоставляется с мыслью на предмет соответствия ей, возникает ценностное отношение. Далеко не всегда оно осознается, еще реже находит выражение в особом высказывании» [Ивин 2000: 26]. Но и скрытая, завуалированная оценка способна «продвигать» процесс мышления, оформляя его в соответствии с правилами логики [там же: 258]. Иными словами, в научной коммуникации процесс появления и оформления речевой ткани произведения осуществляется, во-первых, как непрерывное чередование компонентов старого и нового знания, во-вторых, само чередование осуществляется сквозь сетку психической познавательно-оценочной деятельности автора, т. е. смысл относительно законченного высказывания оказывается оформленным тогда, когда заключенная в нем мысль подвергается чувственной оценке со стороны автора речи.

Еще Ш. Балли отмечал, что в действительности рассудочные и аффективные акты не существуют раздельно [Балли 1961]. Об этом же говорят психологи, психолингвисты и языковеды – все, кто занимается проблемами познавательной деятельности: начало понимания смысла высказывания лежит именно в сфере аффекта, и только проходя через нее, понимание оказывается достоянием интеллекта [Выготский 1996; Жинкин 1998; Изард 1999; Леонтьев 2001; Рубинштейн 1989 и др.].

Таким образом, познавательная оценка является источником непрерывной динамики чередования компонентов старого и нового знания, а значит, в рамках текстообразования познавательная оценка играет существенную роль – вы-

полняет функцию, образно говоря, энергетического толчка.

Что имеется в виду под познавательной оценкой?

Познавательная оценка – это выраженное в тексте отношение автора к предмету мысли или какому-либо мыслительному действию. С помощью познавательной оценки ученый квалифицирует тот или иной компонент знания как определенную ценность, необходимую именно в этом фрагменте текста для успешного формирования и выражения нового знания. Познавательная оценка – это эмотивный вектор, определяющий стратегию воплощения в тексте когнитивно-духовной деятельности ученого. Такая оценка лежит в основе всякого мыслительного движения, предшествует рождению языковой структуры, предопределяя ее форму и содержание как единственно необходимых здесь и сейчас с точки зрения ретро- и проспективы образования текста.

В речевой ткани научного произведения познавательная оценка представлена разными вариантами и реализуется специальными языковыми и речевыми средствами.

Так, выделяются четыре основные разновидности познавательных оценок – 1) оценка онтологической стороны знания, 2) оценка методологической стороны знания, 3) рефлексивная оценка, 4) коммуникативно-прагматическая оценка. Каждая из этих разновидностей имеет свой набор частных вариантов, или, иначе, частных познавательных действий, которые реализуются в текстовой ткани специальными средствами.

Оценка онтологической стороны знания, например, представлена тремя частными вариантами – оценкой критической, диалектической (или сопоставительной) и констатирующей. Ср. следующие фрагменты:

1. Познавательно-оценочные действия критического характера:

*Несмотря на привлекательность метода... неизбежно свойственный данному подходу интуитивизм **чреват** сведением «чуждой» истории к собственным переживаниям исследователя (Чер., 46); **Вызывает сомнение трактовка** эндоэффекта при отжиге (Рез., 8); **Мы не разделяем взглядов Н. Действительно...** (Тр., 64); **Условие типа $\Delta E_L/E_L < 0,1$, приведенное в... в качестве критерия применимости метода..., **противоречит общепринятым представлениям**** (Ком., 42) и под.*

2. Познавательно-оценочные действия диалектического (сопоставительного) характера:

[1-й антитезис] *Думается, что все это имеет прямое отношение к сегодняшней стилистике, где нередко спорные термины не дефинируются и не оговариваются, различные номинации употребляются*

для обозначения одного объекта или понятия и одна номинация – для обозначения разных... [2-й антитезис] Один произвольно заменяет уже утвердившееся название... [3-й антитезис] Другой определяет функцию в стилистике как... [4-й антитезис] Кто-то лишает статуса «функциональный стиль» разговорную речь, а кто-то – художественную... [5-й антитезис] Автор, начинающий разработку стилистики текста, объявляет теорию макростилей «стилистикой языка»... (Вас., 38-40) и под.

3. Познавательные-оценочные действия констатирующего характера:

Большинство реакций включают также стадию адсорбции электроактивного вещества на поверхности электрода, а некоторые из них и стадию редокс-превращения адсорбированных частиц (Буд., 86); Понятно, что теоретическое изучение таких молекулярных систем связано с большими трудностями, так как для этого требуется учесть все те силы, которые... (Кик., 18); Идея уровней языковой абстракции сама по себе не нова. Ее, вслед за Ф. де Соссюром, разрабатывал Л. Ельмслев, выделявший уровень «речи», «которая является индивидуальным актом», и три уровня «языка»: 1) «язык» как совокупность навыков... (Вас., 40) и под.

Итак, оценка понимается как продуманный, ценностно-ориентированный выбор автором речи определенного высказывания, необходимого, по мнению автора, в данный конкретный момент доказательства воплощаемого в тексте нового знания.

Как предмет анализа познавательная оценка – единица не лингвистическая, но экстралингвистическая, существующая на стыке когнитивного (ментального) и эмоционально-психического планов познавательной деятельности. Познавательная оценка формирует тот затекстовый план научного произведения, без которого объективация последнего невозможна.

Роль познавательной оценки как принципа рече- и смысловедения в научном дискурсе согласуется с концепцией речевого воздействия. Так, согласно мнению Р.М. Блакара, процесс речевого общения – это всегда воздействие и поэтому данный процесс не может быть нейтральным [Блакар 1987]. Более того, любое, казалось бы, нейтральное, ни на что не претендующее по отношению к адресату использование языка (ср., например, акты фатической речи или непринужденной «домашней болтовни») предполагает воздействие на восприятие адресатом мира и его структурирование, изменение. Говорящий не только имеет возможность выбирать из различных вариантов выражения определенного содержания, но и **вынужден осуществлять этот выбор**, ибо любое высказывание вынуждает говорящего «занять позицию» [там же: 134–136].

Это «занятие позиции» как раз и осуществляется автором речи как его психо-ментальный выбор типа каждого высказывания в каждый конкретный момент развертывания научной концепции в создаваемом тексте. Следовательно, познавательная оценка в явном или скрытом виде лежит в основе любого высказывания о предмете действительности; она есть экстралингвистический фундамент речевого выражения того или иного суждения, умозаключения, вывода или обобщения относительно предмета исследования. А сам научный текст, как способ материализации познавательной ситуации, **насквозь пронизан познавательной оценкой**, поскольку познавательная деятельность а priori оценочна [Данилевская 2005: 151–152].

Сквозь призму познавательной-оценочной деятельности автора формируется смысл текста, активизируются определенные ментальные действия, определяется эмоционально-экспрессивная специфика их динамики в процессе развития авторской концепции. Иначе говоря, благодаря познавательной оценке когнитивные действия получают в тексте психологическую корректировку и предстают в более отточенном, выверенном – с точки зрения автора – смысловом варианте. Не случайно, по мнению многих психологов, **начало понимания** смысла высказывания лежит именно в сфере аффекта, и, только проходя через нее, понимание оказывается достоянием интеллекта [Изард 1999; Леонтьев 2001; Лурия 1979; Смирнов 1985 и др.].

О наличии в любом тексте эмоционально-психической доминанты пишет А.В. Кинцель, утверждая, что такая доминанта выступает «единственным представителем процессов мотивации», репрезентированным в тексте различными языковыми средствами и выполняющим в нем функцию «текстообразующего фактора» [Кинцель 2000: 36–42].

Единство когнитивного и психического планов познавательной деятельности подтверждается также идеей текстовой модальности, согласно которой формирование диктума (содержания предмета речи) происходит при непосредственном участии модуса – выражения автором своей оценочной позиции. При этом модус в тексте может быть как эксплицитным, так и имплицитным (см.: [Гальперин 1981; Краснова 2002; Солганик 1997, 1999]). Что касается эксплицитного модуса, то он реализуется в тексте через открытое выражение оценок субъекта речи и его непосредственное обращение к предполагаемому читателю. По мнению Т.И. Красновой, эксплицитный модус выражает точку зрения говорящего и его стратегию воздействия на адресата, направ-

ленную на исключение сбоек и осечек в коммуникативном акте [Краснова 2002: 137].

Имплицитный же модус¹ соотносится с когнитивным планом познания, направленным прежде всего на формирование содержания научной концепции («тела» знания). Однако и здесь невозможно представить научное изложение без субъективной модальности, т. е. без психической оценки, ибо говорящий «не может никак не выражать своего отношения к сообщению хотя бы потому, что в нем всегда присутствует определенная интонация. Мысль о том, что говорящий может никак не выражать свое отношение к сообщаемому, имеет истинное значение лишь тогда, когда мы имеем дело с признаками психического заболевания» [там же: 130]. Иными словами, имплицитный модус есть скрытая оценочность, реализующаяся как выбор автором того или иного познавательного действия и способа его репрезентации в речевой ткани текста. Ср. в связи с этим мнение К. Изарда: «Поскольку эмоция может существовать в сознании независимо от когнитивных процессов, человек зачастую переживает ту или иную эмоцию, не сознавая ее, т. е. не называя ее эмоцией» [Изард 1999: 88].

Таким образом, процесс языковой объективации нового научного знания осуществляется в эмотивной (эмоционально-оценочной) парадигме. И в этом смысле можно говорить о текстообразующей роли познавательной оценки в научном дискурсе: если познание человеком того или иного объекта осуществляется при непосредственном участии чувственной сферы, значит, последняя настолько же важна в процессе формализации мысли, насколько сама формализация.

Закономерно, что М.Н. Кожина находит естественным «вторжение» в нормативную для научного стиля отвлеченно-обобщенность и строгую логичность своеобразной экспрессивности, эмоциональности и даже образности, без которых научная речь не достигала бы своей цели, а автор не убедил бы читателя в истинности своих взглядов. «Очевидно, под экспрессивностью научной речи следует понимать такие стилистические качества, благодаря которым наилучшим образом реализуются задачи коммуникации в этой сфере и которые тем самым способствуют эффективности общения» [Кожина 1993: 167].

Рассматриваемая нами познавательная оценка в определенном смысле близка экспрессивности научного изложения, поскольку репрезентирует в текстовой ткани духовное напряжение автора, направленное на доказательство научной идеи. Ср., например, цитаты, в которых выражаются разные оттенки эмоционального отношения ав-

тора к предмету речи (языковые средства выражаемых эмоций выделены):

Интересной и очень четкой по формулировкам статьей... является статья... (Ник., 17); Так, богатыиший материал, который может быть использован для построения... (Бон., 19); Крайние концепции... страдали прежде всего явной односторонностью (Колш., 51); Но что еще более любопытно, если ближе присмотреться к процессу образования вздутых корней... (Вав., 18); ...активности обоих катализаторов выравниваются постепенно, но только никак не сразу после затухания реакции (Ив., 19); Фразы указанного типа будут интересовать нас в дальнейшем лишь постольку, поскольку в них нет АВ... И все же очевидно, что создавая самую первичную теорию АВ... (Ник., 6); Эти-то способы выражения связности текста... и служат, в первую очередь, объектом изучения лингвистики текста (Реф., 40) и др.

Как видно, в каждом из приведенных высказываний специальными языковыми средствами зафиксирован авторский выбор частного познавательного действия, направленного на выражение того или иного оттенка экспрессии по отношению к предмету мысли.

Очевидно, еще большей эмоциональностью обладают текстовые единицы, представляющие собой структурно-смысловое единство нескольких предложений, посвященных раскрытию одной микротемы, речевому воплощению частного познавательного шага. Например:

Хотя каждое высказывание единично, язык в целом представляет собой систему общих форм. Но если бы даже удалось полностью формализовать язык, в остатке бы оказалось все то, для чего язык существует, – речевое действие. Но именно в этом действии и обнаруживается мышление. Формализуется система языка, сам же язык приобретает жизнь в процессе реализации системы. Проблема языка и мышления как раз и относится к реализации, а не к структуре языка. Именно поэтому разные направления структурализма в лингвистике стремятся обойтись без понятия мышления (Жин., 14).

На пять предложений здесь девять эмоциональных усилителей, за счет которых, безусловно, весь фрагмент (в оригинале это отдельный абзац) приобретает, во-первых, бóльшую ясность (ср. противительные, разделительные и сопоставительные отношения между предложениями и внутри них, а также несколько акцентуаторов), во-вторых, структурную логичность и смысловую четкость, в-третьих, как следствие, высокую степень убедительности изложения и его смысловой прозрачности, доступности.

Однако познавательная оценка репрезентирует одновременно и логико-смысловую (интеллектуальный) план эвристической деятельности, ибо познание протекает как единство и духовных и

ментальных процессов познающей личности. И в этом смысле познавательная оценка в полной мере реализует себя как интеллектуальная экспрессия – логико-смысловое действие, обогащенное эмоционально-экспрессивным действием, рождает неповторимый стилистический узор речи, направленной на обоснование нового научного знания.

Речевое воплощение в тексте каждого компонента знания (известного уже науке, которое репрезентируется как «чужое мнение»), или пока не известного, которое впервые формулируется в данном тексте) проходит «сквозь горнило» познавательной оценки – либо ментальной, либо эмотивной, либо обеих сразу. Посредством ментальной оценки мысль оформляется как высказывание онтологического, методологического, рефлексивного или коммуникативно-прагматического характера; посредством эмотивной оценки строго логическое движение авторской мысли обогащается эмоционально-экспрессивными оттенками. Это, собственно, и есть процесс речевого воплощения познавательной деятельности ученого. В текстовой ткани научного произведения этот процесс реализуется в виде **интеллектуальной экспрессии** – специфической речевой системности единиц разных уровней, фиксирующих интеллектуальные и духовные оттенки работы ученого, формирующего в тексте свое представление об объекте действительного мира.

Ср., например, следующий отрывок (средства явной и скрытой оценки, в том числе отражающие авторский выбор именно такого, а не иного выражения мысли, ее графического оформления, выделены):

Не отрицая того, что в монографии... содержится интересный анализ ряда актуальных аспектов., мы считаем, что предполагаемая ими трактовка категории идеального является в большинстве случаев некорректной. Эта некорректность проистекает из-за того, что не выдерживается логическое отличие категории идеального от категории материального. В самом деле: что означает “внепсихическая, но несубстанциальная реальность”, в качестве которой, по словам авторов, выступает идеальное? Если “несубстанциальная реальность” означает нематериальное, т. е. не является объективной реальностью, то каким образом, соблюдая элементарные правила логики, ее можно считать внепсихической, а следовательно, качественно иной, чем наше сознание? Когда же утверждается, что идеальное существует “как общественная форма опредмеченных общественных отношений”, как “овеществленный образ”, то это вызывает опять-таки серьезные недоразумения, ибо всякая “общественная форма опредмеченных общественных от-

ношений”, всякий “овеществленный образ” есть объективная реальность, социальная объективная реальность, и ни в коем случае не могут быть названы “несубстанциальной реальностью”, если под субстанцией понимается материя, а не что-то другое (“вещество”, “субстрат”, некое природное физическое основание...) (Дубр., 19).

В этом фрагменте все изложение буквально пронизано оценочными средствами, которые, обрамляя содержание выражаемого знания, способствуют его более четкому, точному и вместе с тем более эффектному выражению, а следовательно, и его более адекватному пониманию его читателем.

Каждый текстовый фрагмент такого обоснования оказывается отражением напряженной интеллектуально-духовной деятельности ученого; каждый из них по-своему выразителен и эффективен с точки зрения реализации как собственно авторской интенции, так и общей коммуникативной задачи – убедить адресата в истинности высказываемых в тексте положений.

По мнению В.В. Одинцова, эмоционально-риторические структуры, попадая «на почву» научного текста, «дают ростки» эффекта выразительности, который, как правило, является результатом структурно-синтаксической трансформации высказывания, нарушения нормы, правила, характерного для логических структур [Одинцов 1980: 148–151]. Ср.: «Эмоционально-риторические структуры... преобразуют, трансформируют логически строгое и сухое изложение для **усиления воздействия на читателя**» (выделено мной.– Н.Д.) [там же: 149].

Очевидно, науке² присущ специфический принцип текстообразования – **риторическое речеведение**. Экстралингвистическим ядром такого речеведения является **интеллектуальная экспрессия**.

Последняя понимается нами более широко, чем просто выразительность. Интеллектуальная экспрессия включает в себя **все познавательные действия**, в которых открыто или имплицитно выражается авторский выбор конкретного познавательного действия – логико-смыслового и/или эмоционально-экспрессивного. В каждом конкретном фрагменте изложения то или иное познавательное действие оказывается именно познавательной оценкой, поскольку **выбирается** автором, просеивается сквозь сито интеллектуально-духовной текстообразующей «работы» как единственно возможное, наиболее подходящее, максимально точное выражение мысли среди множества подобных и возможных вариантов ее речевого воплощения.

Посредством интеллектуальной экспрессии высказывание приобретает более логически, эмоционально и, следовательно, содержательно отточенный вид, а значит, увеличивает свой воздействующий и убеждающий потенциал, необходимый и читателю и автору в рамках сложной научной коммуникации.

Вообще, строго логичное мышление возможно только как размышление про себя. Творческое же мышление (т. е. для кого-то) непременно включает в себя образные и эмоциональные компоненты. И в этом смысле круг риторически маркированных единиц научного текста очень широк: это и частицы акцентующего характера (*ведь, вот, так, так и, даже, только* и т. п.), и вводные слова и словосочетания с различной семантикой, и метафорические высказывания (конкретизирующие объект через образ), и синтаксические риторические структуры (блоки однородных перечислений, парцелляция, пояснения, уточнения, и вопросо-ответные комплексы) и мн. др. Риторические средства научной речи активизируют понимание в процессе осознания реципиентом содержания текста, расставляют необходимые семантические акценты, связывают в единое целое прошлые знания с настоящей информацией и, кроме того, способствуют расширению содержательного объема высказывания.

Примечания

¹ Под эксплицитным модусом понимается неявное, скрытое поверхностными смыслами выражение субъективного отношения говорящего (автора научного текста) к предмету речи.

² Подчеркнем, речь идет о «хорошей науке», т. е. о текстах, принадлежащих известным или опытным ученым, на высоком уровне владеющим стилистическими нормами письменной научной коммуникации.

Список источников с сокращениями

Бон. – Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 133 с.

Буд. – Будников Г.К., Майстренко В.Н., Муринов Ю.И. Вольтамперометрия с модифицированными и ультрамикроразэлектродами. М.: Высшая школа, 1994. 239 с.

Вав. – Вавилов Н.И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости // Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Л.: Наука, 1987. С. 10–22.

Вас. – Васильева А.Н. Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики // Основные понятия и категории лингвистилистики: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982. С. 34–42.

Дубр. – Дубровский Д.И. Категория идеально-го и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 15–27.

Жин. – Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Риторика. Специализированный проблемный журнал. М.: Наука, 1997. С. 13–21.

Ив. – Иваненко С.В. Кинетика окисления диоксида серы на катализаторах с различным отношением $K_2O : V_2O_5$ // Катализ и катализаторы. Л.: Наука, 1990. С. 14–20.

Кик. – Кикоин А.К., Кикоин И.К. Молекулярная физика: 2-е изд. М.: Высшая школа, 1976. 480 с.

Колш. – Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. 1979. № 5. С. 51–62.

Ком. – Комаров Ф.Ф., Комаров А.Ф., Хоконов М.Х. Динамика движения и излучения электронов при аксиальном квазиканализировании // Журнал экспериментальной и теоретической физики. 1987. Т. 93, вып. 1(7). С. 41–52.

Ник. – Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 104 с.

Рез. – Резницкий Л.А. Химическая связь и превращения оксидов. М.: Высшая школа, 1991. 168 с.

Реф. – Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л.: Наука, 1989. 168 с.

Тр. – Троянская Е.С. Обучение чтению научной литературы. В помощь преподавателю иностранных языков. М.: Наука, 1989. 272 с.

Чер. – Черных В.Ю. Аксиология истории России: современная отечественная история в свете теории ценностей / Перм. гос. мед. акад.; Перм. гос. техн. ун-т, Зап.-Урал. ин-т экономики и права и др. Пермь, 1999. 239 с.

Список литературы

Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Наука, 1961. 394 с.

Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Наука, 1996. 415 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 145 с.

Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.

- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 272 с.
- Жинкин Н.И.* От замысла к слову: речь индивида как процесс и поступок (1958) // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество (Избранные труды) / сост., ред. С.И. Гиндин. М.: Наука, 1998. С. 79–169.
- Ивин А.А.* Теория аргументации. М.: Флинта: Наука, 2000. 416 с.
- Изард К.* Психология эмоций / пер. с англ. СПб.: Наука, 1999. 464 с.
- Кинцель А.В.* Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2000. 152 с.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1993. 221 с.
- Кожина М.Н.* Целый текст как объект стилистики текста / Stylistyka IV. Opole, 1995. S. 33–53.
- Кожина М.Н.* Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. / под. ред. М.Н. Кожиной. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. Т. 2: Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 1. С. 73–89.
- Краснова Т.И.* Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2002. 189 с.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум: Деятельность, Знак, Личность. М.: Наука, 2001. 392 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Наука, 1979. 319 с.
- Одинцов В.В.* Стилистика текста. М.: Высшая школа, 1980. 263 с.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Высшая школа, 1989. Т. 2. 323 с.
- Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психологического отражения. М.: Наука, 1985. 231 с.
- Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
- Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М.: Высшая школа, 1991. 182 с.
- Солганик Г.Я.* О субъективно-модальном значении синтаксических конструкций (на материале предложений, строящихся по схеме $N_1 - V_1$) // Stylistyka VI. Opole, 1997. S. 315–330.
- Солганик Г.Я.* Текстовая модальность как семантическая основа и важнейшая стилевая категория // Stylistyka VIII. Opole, 1999. S. 179–192.
- Фуко М.* Археология знания. СПб.: Флинта: Наука, 2004. 207 с.

INTELLECTUAL EXPRESSION OF SCIENTIFIC DISCOURSE: A PSYCHOLINGUISTIC ASPECT

Natalia V. Danilevskaya
Professor, the Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

The article is devoted to the analysis of text formation in scientific communication. The concepts of “old” and “new knowledge”, “cognitive assessment”, “intellectual expression” are considered. It is argued that the alternation of the components of old and new knowledge is the mechanism of scientific text formation. The energy of this mechanism is represented by cognitive assessment as a purposeful choice by the author of a certain cognitive act, representing in the text a certain mental step within the general logics of reasoning. The paper confirms the existence of two plans of cognitive activity, mental and emotive, either of which corresponds to a specific type of cognitive assessment. Each variety is represented in the text by certain language and speech means. The interaction of evaluations and evaluative means forms the expressiveness peculiar for scientific communication – intellectual expression.

Keywords: scientific text; dynamic aspect of text formation; cognitive activity; cognitive assessment; intellectual expression.